

1989 год и перспективы «бархатных революций»

Будет ли «бархатная революция» успешной, зависит не только от природы государства и общества, но также и от того, какое место это государство и это общество занимают в более широком международном контексте

Тимоти Гартон Эш

Вряд ли стоит удивляться тому, что к двадцатилетию событий 1989-го книжная полка, и так уже стонущая под тяжестью томов, посвященных этому году, которым, по сути, закончился короткий XX век, пополнилась новыми работами. Точнее, если расширить понятие «1989-й», включив в него объединение Германии и распад Советского Союза в 1990–1991-м, следует говорить о трех годах, завершивших XX столетие. Появились и ретроспективные журналистские хроники, полные ярких личных впечатлений и поразительных деталей (Виктор Шебештген, Дьёрдь Далос, Майкл Майер и Мишель Мейер)¹, и смелые попытки по-новому интерпретировать исторические события (Стивен Коткин и Константин Плешаков)², и настоящие академические работы, основанные на архивных источниках и устных рассказах (Мэри Элиз Саротт и книга под редакцией Джеффри Энджела)³. Здесь у меня нет возможности проанализировать каждую из перечисленных работ в отдельности. В большинстве своем они добавляют кое-какие подробности к тому, что нам уже известно, но некоторые все же

открывают много нового. Не надо воспринимать мои слова как критику кого-либо из этих авторов, но я мечтаю еще об одной книге: о глобальной, обобщенной истории 1989 года, которую только предстоит написать.

События 1989 года: ретроспективное смещение оценки

За прошедшие двадцать лет наиболее интересные новые документы были обнаружены в советских, американских и немецких архивах, а также — в меньшей степени — в восточноевропейских, британских и французских. Они проливают свет в первую очередь на большую политику 1989–1991 годов. Из этих документов мы, например, узнаём, что 9 ноября 1989-го, в день, когда пала Берлинская стена, на Политбюро ЦК КПСС вообще не обсуждалась ситуация в Германии. Вместо этого был заслушан исполненный паники доклад тогдашнего Председателя Совета Министров СССР Николая Рыжкова о подготовке прибалтийских республик к выходу из состава Советского Союза и о возможных последствиях этого шага для Украины и России. «Пахнет полным развалом», — сказал тогда Рыжков.

Интересно читать запись от 10 ноября в дневнике Анатолия Черняева, советника Михаила Горбачёва, который с невероятным энтузиазмом приветствует падение

ПЕРЕВОД ДВУХ СТАТЕЙ ТИМОТИ ГАРТОНА ЭША (TIMOTHY GARTON ASH) "1989!" И "VELVET REVOLUTION: THE PROSPECTS", ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ THE NEW YORK REVIEW OF BOOKS (VOL. 56, NO. 17. NOV. 5, 2009 И VOL. 56, NO. 19. DEC. 3, 2009) © 2009, THE NEW YORK REVIEW OF BOOKS (DISTRIBUTED BY THE NEW YORK TIMES SYNDICATE). ПУБЛИКУЕТСЯ С ЛЮБЕЗНОГО РАЗРЕШЕНИЯ THE NEW YORK TIMES SYNDICATE И THE NEW YORK REVIEW OF BOOKS

Берлинской стены: «Вот что наделал Горбачёв! <...> учуял поступь истории и помог ей выйти в естественное русло». И крайне неприятно — англичанину — узнать, как бесстыдно Маргарет Тэтчер отказалась от своих публичных обещаний, данных Германии. «Слова, записанные в коммюнике НАТО, может быть, звучат иначе, но не обращайтесь на это внимания, — сказала она Горбачёву в сентябре 1989 года, согласно записи их беседы, подготовленной Черняевым. — Мы не хотим объединения Германии». (Заметим, что Саротт, воспользовавшись британским Законом о свободе информации, получила также британскую запись этой беседы. Она пишет, что там «не содержалось этого комментария, но запись была отредактирована».)

Согласно классическому подходу немецкого историка Леопольда фон Ранке к историографии, сейчас нам известно намного больше, чем двадцать лет назад, о тогдашних событиях большой политики, которые обычно документируются. Что же касается причин этих событий, социальной динамики масс, народных выступлений, которые фактически и позволяют трактовать произошедшее в 1989-м как революцию (или цепочку революций), мы, напротив, узнали мало что нового.

За свою жизнь мне довелось провести много часов в толпах народа на улицах Варшавы, Будапешта, Берлина и Праги, и поведение людей там одновременно и вдохновляло, и оставалось для меня непонятным. Что заставило этих отдельно взятых мужчин и женщин выйти на улицы, особенно в самые первые дни событий, когда еще не было уверенности в том, что это безопасно? Что объединило их в толпу? Кто в Праге первым догадался вынуть из кармана связку ключей, поднять ее вверх и потрясти, после чего это сделали еще 300 000 человек, так что возник удивительный звук, напоминающий звон множества китайских колокольчиков?

Историки, такие как Жорж Руде, который первым исследовал поведение толпы во время Французской революции, а также Эдвард Палмер Томпсон и Эрик Хобсбаум пытались понять глубинную динамику народного протеста в более ранние периоды. Теперь, несомненно, настало время, когда современным историкам, имеющим в своем распоряжении больше источников совершенно иного качества (например, многочасовые теле-, видео- и радиозаписи), надо попытаться проанализировать события 1989 года «снизу», а не только «сверху».

Всем, кто пишет о 1989-м, почти неизбежно приходится бороться с обычной человеческой слабостью, которую психологи называют «ретроспективным смещением оценки» (*hindsight bias*) — тенденцией воспринимать результаты тех или иных исторических событий как наиболее вероятные по сравнению с альтернативами, которые во время самих событий казались вполне реальными (скажем, жестокое подавление народных выступлений в Центральной Европе, как это было на площади Тяньаньмэнь)⁴. То, что происходит на самом деле, позже выглядит так, будто именно это тем или иным образом и должно было произойти. Анри Бергсон говорил об «иллюзиях ретроспективного детерминизма». Объяснения предлагаются для того, что уже случилось. Как сказал один ученый спустя несколько лет после 1989 года, никто не предвидел такого поворота событий, но постфактум все смогли объяснить произошедшее. Читая перечисленные в начале книги, я вновь вспомнил «закон неисчерпаемого рога изобилия», выведенный польским философом Лешекком Колаковским, который гласит, что для любого события может быть найдено бесконечное число объяснений.

Большое достоинство книги Мэри Элиз Саротт «1989» состоит в том, что она четко формулирует проблему ретроспективного

смещения оценки и постоянно обращается к нереализованным вариантам. Например, она напоминает нам, насколько близка была Восточная Германия к кровопролитию в Лейпциге 9 октября 1989-го, когда власти мобилизовали силы полиции, армии и «штази» — всего было приведено в состояние готовности восемь тысяч человек, а больницам было дано распоряжение подготовить места, чтобы принять возможных пострадавших. Саротт также рассматривает дипломатические схемы, которые обсуждались, но не были реализованы при формировании нового европейского порядка в 1990 году, включая и модель общеевропейской системы безопасности, предусматривавшей существование двух, как и прежде разделенных, немецких государств.

У каждого автора есть свои профессиональные, географические или дисциплинарные предпочтения. Журналисты, политики, дипломаты, историки, политологи, транзитологи, исследователи социальных движений, экономисты, эксперты по проблемам безопасности, гражданского сопротивления, по международным отношениям — все они пришли к 1989-му со своим конкретным опытом, методами, системами взглядов и сравнений, со своей лексикой. И часто оказывается, что они говорят практически одно и то же, только по-разному.

У победы много отцов, но каждый особенно выделяет кого-то одного. Поляки и вообще католики склонны выдвигать на первый план роль польского папы римского, особенно его визиты в Польшу в 1979, 1983 и 1987 годах, воодушевившие поляков. Немцы и венгры подчеркивают вклад венгерских коммунистов-реформаторов, приподнявших «железный занавес» и давших возможность восточным немцам бежать на Запад. (Майкл Майер в своей книге «Год, который изменил мир: Нерассказанная история падения Берлинской стены», полной ярких личных

воспоминаний о тогдашних событиях, свидетелем которых он был в качестве корреспондента *Newsweek*, называет этот эпизод «нерассказанной историей» 1989-го. Быть может, для англоязычного читателя так оно и есть, но на немецком языке эта история излагалась довольно часто). Специалисты по России обычно подчеркивают роль Горбачёва. Немцы, придерживающиеся левых взглядов, придают особое значение своей версии разрядки — «восточной политике» (*Ostpolitik*), правые американцы — роли Рональда Рейгана. (Ромеш Ратнесар снабдил свою малопримечательную книгу, посвященную речи Рейгана в 1987 году в Берлине, в которой тот призывал «снести эту стену», подзаголовком «Город, президент и речь, которая положила конец холодной войне»⁵.)

В таком многообразии точек зрения нет ничего дурного. Каждый описывает свою часть громады, или всю громаду, но с определенного ракурса. Однако всякий раз, когда автор выхватывает какой-то отдельный элемент и говорит, что именно он все объясняет, что именно это — ключевой элемент, знайте, что этот автор неправ.

К сожалению, историк Стивен Коткин, признанный специалист по Советскому Союзу, попадает в эту ловушку, когда пишет о странах, с которыми он знаком не столь хорошо⁶. В его книге «Негражданское общество» можно найти весьма содержательное и в историческом плане интересное объяснение краха коммунизма, но все это перечеркивается ревизионистским утверждением, будто в 1989 году произошел, как гласит подзаголовок книги, не более чем «крах коммунистического истеблишмента». Именно этот истеблишмент партийного государства, или «негражданское общество» (в отличие от того, что автор определяет как воображаемое или идеализированное «гражданское общество», превозносимое тогдашними диссидентами и западными

интеллектуалами), «разрушил собственную систему». Везде, кроме Польши, «отводить главную роль оппозиции значит удаляться в область вымысла».

Рассуждения автора достигают наивысшей точки в следующих строках: «ГДР была финансовой пирамидой, которая обанкротилась в результате набега на банк». Сегодня подобное утверждение могло бы подойти для темы обсуждения на студенческом семинаре, но серьезно настаивать на этом в книге нелепо. Действительно, благодаря обстоятельным исследованиям историков,

Горбачёв и его советники сочли, что у них появится больше шансов модернизировать страну, если обеспечить крупномасштабное экономическое сотрудничество с другой Германией — Федеративной Республикой — и прочими западными партнерами. Горбачёв почувствовал, что не стоит рисковать такой перспективой, поддерживая репрессивный режим в ГДР. Если бы он (или другой советский лидер) принял иное решение, ГДР, возможно, просуществовала бы еще много лет. Несомненно, это была бы несчастная, обремененная долгами и терзаемая кризиса-

“Государство — не банк и тем более не финансовая пирамида. Государства могут очень долго существовать и с большими долгами”.

в частности, Андре Штайнера и Джеффри Копстейна, мы хорошо знаем размер долга ГДР в твердой валюте и понимаем, какое влияние это оказывало на коммунистическое руководство осенью 1989-го. Эгон Кренц, сменив на посту высшего руководителя партии Эриха Хонеккера, который скрывал масштаб проблемы от большинства своих коллег (и в какой-то мере, возможно, даже от самого себя), попросил предоставить правдивый отчет об экономическом положении страны. В конце октября ему сообщили, что ГДР «в максимально возможной степени зависит от капиталистических кредитов». Но государство — не банк и тем более не финансовая пирамида. Государства могут очень долго существовать и с большими долгами. Государства так просто не «банкротятся».

При этом Восточная Германия была особым государством: это была советская оккупационная зона, превратившаяся в сателлит СССР. И до тех пор, пока ядерная супердержава была готова нести бремя государств-сателлитов, ГДР могла бы существовать и дальше ⁷. Однако Михаил

ми страна на переднем крае несчастной, раздираемой кризисами империи, но разве это был бы первый подобный случай в истории?

Метафора «набег на банк», к которой Коткин обращается не раз, обнаруживает еще один недостаток в ходе его размышлений. При набеге на банк масса людей, охваченных паникой, но никак не координирующих свои действия, устремляется в банк, чтобы забрать свои личные сбережения. У них нет никакой другой цели и никакой организации. У них нет никаких четких представлений о лучшем банке, не говоря уже о принципиально иной банковской системе в принципиально ином государстве. По-видимому, это и хочет сказать Коткин ⁸. Во всех случаях, за исключением Польши, он видит в толпах людей, вышедших на улицы в 1989-м, только «социальную мобилизацию при отсутствии соответствующей социальной организации».

Так, о быстром развитии «бархатной революции» в Чехословакии — от массовых демонстраций до всеобщей общенациональной забастовки — он пишет: «Ни одно из этих событий не было инспирировано либо

возглавлено диссидентами или Гражданским форумом, который был упразднен сразу после 1989 года». Получается, что всеобщая забастовка каким-то образом породила самое себя. И когда 300 000 человек на Вацлавской площади скандировали «*Havel na Hrad!*»⁹ («Гавела — в Замок!»), это никак не было связано с биографией Гавела, с его личностью и более чем очевидными качествами лидера. С точки зрения автора, это был лишь очередной «крах» коммунистического истеблишмента. Между тем для любого свидетеля тогдашних событий или того, кто просто читал серьезные работы чешских и западных историков, подробно изучивших «бархатную революцию», это утверждение выглядит столь же несостоятельным, как и высказывание о финансовой пирамиде. Это ходячий ревизионизм.

Суть таких моментов мобилизации масс и гражданского неповиновения состоит в том, что при наличии определенных предпосылок (включая возможность существования крошечных оппозиционных групп и отдельных политических заключенных, таких как Гавел или Аун Сан Су Чжи), формы социальной организации, как, скажем, Гражданский форум, импровизированные, часто хаотичные, но тем не менее безусловно *формы организации*, могут возникать с невероятной быстротой. Это феномен, который историки 1989 года должны не отрицать, а изучить как можно глубже. Утверждать, что действия народа и оппозиции в Центральной и Восточной Европе не имели никакого отношения к результату, столь же абсурдно, как утверждать, что «народ» сам, в одиночку разрушил коммунизм и империю, обладавшую ядерным оружием. Как и во всех исторических процессах, действие субъекта и структуру необходимо рассматривать в их сложной взаимосвязи.

Европейская революция 1989 года как международное событие

На самом деле суть событий 1989 года кроется в многочисленных взаимодействиях не

только какого-то одного отдельно взятого общества и партийного государства, но и множества обществ и государств, в ходе взаимосвязанных трехмерных шахматных партий. Хотя Французская революция 1789-го вышла за пределы страны, имела внешние последствия и стала международным событием, повлекшим за собой революционные войны, зародилась она как внутреннее движение в одной крупной стране. Европейская же революция 1989 года с самого начала была международным событием, и под словом «международное» я подразумеваю не только дипломатические отношения между государствами, но также взаимодействие стран и обществ поверх границ. Таким образом, причинно-следственные связи включают в себя влияние отдельно взятого государства на собственное общество, влияние обществ на соответствующие государства, влияние одних государств на другие, одних обществ на другие, влияние государств на другие общества (к примеру, непосредственное воздействие, которое оказал Горбачёв на жителей Центральной и Восточной Европы) и обществ на другие государства (в частности, влияние массовых протестов в Центральной и Восточной Европе на события в Советском Союзе). Эти сложные понятия государства и общества следует подразделить на группы, фракции и отдельных индивидуумов, включая уникальных действующих лиц, таких как папа Иоанн Павел II.

Конец коммунизма в Европе продемонстрировал весьма парадоксальную реализацию заветной мечты коммунистов. В 1980—1981 годах Польша стала свидетельницей революции рабочих, но направлена она была как раз против так называемого государства рабочих. Коммунисты мечтали о пролетарском интернационализме, который помогал бы революции распространяться от одной страны к другой; в 1989—1991-м революция действительно наконец-то распространилась

от одной страны к другой — но повлекла за собой крах коммунизма. К тому же в этих событиях неожиданные последствия столь же значимы, сколь и преднамеренные действия, не говоря уже об исторической необходимости.

Таким образом, события 1989 года можно понять только при помощи тщательной, скрупулезной хронологической реконструкции как предполагаемых, так и неожиданных последствий, анализируя их во многих направлениях и на многих этапах, день за днем, а иногда — например, вечером 9 ноября

безусловно, наиболее увлекательных — ретроспективных хрониках Дьёрдь Далос пишет, как этот студент на следующий вечер пришел домой и несколько взволнованный отец рассказал ему, что СМИ сообщили о его гибели.)

Образец такого рода тонкого анализа, учитывающего точки зрения разных стран, представлен в работе гарвардского исследователя Марка Креймера, посвященной отношениям между СССР и Восточной Европой (эта работа до сих пор публиковалась только в виде серии докладов, научных исследований и книжных глав¹¹). Основываясь на большом

“Суть событий 1989 года кроется во взаимодействиях не только одного отдельно взятого общества и партийного государства, но и множества обществ и государств”.

в Берлине — и поминутно. Правильное или ошибочное освещение событий, особенно телевидением, — само по себе чрезвычайно важное звено причинно-следственной цепочки. Когда в 22:30 известный, пользующийся доверием телеведущий западногерманского телевидения объявил, что «ворота в Стене широко распахнуты», это на самом деле еще не произошло; но прозвучавшее сообщение помогло распахнуть их, поскольку после этих новостей увеличился поток жителей Восточного Берлина, устремившихся к Стене (это были те, кто смотрел западногерманское телевидение и был склонен ему доверять) и надеявшихся пройти через пограничные пункты на Запад, а толпы западных берлинцев собрались у Стены, чтобы приветствовать их¹⁰. Ошибочное сообщение радио «Свободная Европа» о том, что студент по имени Мартин Шмид погиб в Праге 17 ноября 1989-го во время подавления студенческой демонстрации, способствовало тому, что в Чехословакии число протестующих выросло уже в первые дни «бархатной революции». (В самых, на мой взгляд, лучших — и,

количестве глубоко изученных материалов советских и восточноевропейских архивов, а также на множестве уже опубликованных источников, Креймер показывает полную неразбериху во взаимоотношениях между имперским центром и периферией. Он приходит к выводу, что воздействие (*spillover*, как он это называет) в 1986—1988 годах шло в направлении от Советского Союза к Восточной Европе, в 1989-м — в обоих направлениях, а позже, в 1990—1991 годах, главным образом в обратном направлении — из Восточной Европы в Советский Союз, когда прибалтийские государства, Украина и в конечном счете сама Россия набрались мужества и вслед за странами ЦВЕ вступили на путь самоосвобождения. Если ведущие академические издатели еще не пытались добиться от Креймера, чтобы он превратил свою работу в полноценную книгу, то сейчас самое время начать это делать.

Отношения между Советским Союзом и Восточной Европой были хотя и важной, но всего лишь частью более широкого международного контекста. В первой половине

1989-го новый президент США Джордж Буш-старший был чрезвычайно сдержан в своих реакциях и на действия Горбачёва, и на изменения, которые происходили в Польше и Венгрии благодаря совместным усилиям коммунистов-реформаторов и диссидентов. Советские и восточноевропейские архивные материалы подтверждают, что Вашингтон действительно смотрел на происходившее весьма скептически. (В одной из замечательных научных работ, входящих в состав книги под редакцией Джеффри Энджела, Мелвин Леффлер пишет, что тогдашний министр

Соединенные Штаты будут раздувать костер в Восточной Европе. Напротив, Буш лично убеждал генерала Войцеха Ярузельского баллотироваться на пост президента Польши, видя в нем гаранта стабильности, и постоянно думал о том, чтобы не сделать ничего, что могло бы навредить Горбачёву. Саротт полагает, что американская сдержанность облегчила и положение СССР, позволив ему отойти в сторону и предоставить странам Центральной и Восточной Европы возможность самим устраивать свою судьбу. С некоторым преувеличением можно было бы ска-

“Осторожное поведение Вашингтона отчасти явилось следствием неверной оценки происходившего, но такая позиция была, наверное, лучшей из всех возможных”.

обороны США Дик Чейни предположил, что политика Горбачёва «может быть временным отклонением в поведении нашего главного противника».) Буш тоже не придавал большого значения бороатым диссидентам, которые внешне чем-то напоминали ребят из Беркли образца 1960-х. В своей книге, полной ярких зарисовок и живых сюжетов, Виктор Шебештён, основываясь на документах, рассказывает о встрече американского президента с известным венгерским диссидентом Яношем Кишем в Будапеште в июле 1989-го, после которой президент сказал своим помощникам: «Это не те ребята, которые годятся для управления страной». Намного разумнее было продолжать иметь дело с застегнутыми на все пуговицы коммунистами-реформаторами.

Хотя осторожное поведение Вашингтона отчасти явилось следствием неверной оценки происходившего, на самом деле такая позиция была, наверное, лучшей из всех возможных. На этот раз, в отличие от 1956 года, никто в Москве не мог предположить, даже с минимальной долей правдоподобия, что

зять, что Вашингтон повел себя правильно, потому что неправильно оценил ситуацию.

Отдадим должное США, когда это необходимо: в последние месяцы 1989-го, особенно после падения Стены, и в течение всего 1990 года первоначальный переизбыток осторожности превратился в сочетание абсолютно преднамеренной сдержанности («не танцуйте на Стене!» — можно было услышать в коридорах Белого дома и Госдепартамента) и весьма впечатляющей искусной дипломатии, выразившейся в поддержке стремления Гельмута Коля к объединению Германии на западных условиях. Что же касается решающих девяти месяцев — от начала переговоров за «круглым столом» в Польше в феврале до разрушения Стены в ноябре, — вклад Соединенных Штатов состоял, главным образом, в том, что они не предпринимали никаких действий.

В еще большей степени это верно в отношении другой супердержавы. Креймер утверждает, что в определенные моменты Горбачёв потихоньку подталкивал восточноевропейских коммунистических лидеров

к более радикальным изменениям. Но по большей части его решающий вклад состоял в том, что он просто принимал изменения, происходившие на периферии советской империи, вместо того чтобы пытаться замедлить их или повернуть вспять.

Когда Гельмут Коль спросил советского лидера, что тот думает о решении венгров поднять «железный занавес», открыв проход в Австрию, Горбачёв ответил: «Венгры — хорошие люди»¹². Другой характерный пример относится к Польше, к августу 1989-го, когда советник «Солидарности» Тадеуш Мазовецкий пытался сформировать правительство из некоммунистов, во главе которого также стоял бы некоммунист. Последний руководитель польской коммунистической партии Мечислав Раковский сделал в дневнике следующую запись о своем телефонном разговоре с Горбачёвым: «Когда я сказал, что изменить ситуацию с помощью чрезвычайного положения невозможно, Г. ответил, [что] новый вариант военного положения [*stan wojenny* — так по-польски называется военное положение, введенное генералом Войцехом Ярузельским в декабре 1981 года. — Т.Г.Э.] невозможен и что, как бы трудно это ни было, нам придется выходить из этой ситуации, не прибегая к подобным средствам»¹³. А день спустя после того, как незапланированно, спонтанно была разрушена Берлинская стена, последний лидер коммунистической партии Восточной Германии Эгон Кренц получил через советского посла в Восточном Берлине сообщение от Горбачёва. По воспоминаниям Кренца, советский лидер поздравил его со «смелым шагом». Как заметил немецкий писатель Ханс Магнус Энциенсбергер, Горбачёв являл собой пример героя нового типа — героя отступления.

Однако спокойное отношение Горбачёва к происходящему было следствием намного более глубокого заблуждения, нежели

у Буша. Он ошибочно полагал, что эти изменения не перекинутся через границу Советского Союза, который он воспринимал как страну, а не как «внутреннюю империю». Вместо этого, как показывает Креймер, революционные изменения в Центральной и Восточной Европе напрямую способствовали развалу самого Советского Союза. Историк Роберт Конквест, специалист по советскому «Большому террору» и украинскому Голодомору, много лет спустя спросил Горбачёва, поступил бы он так же, если бы знал, к чему все это приведет. Горбачёв ответил: «Наверное, нет»¹⁴.

Возможно, это вообще присуще супердержавам — полагать, что именно они делают историю. Большие события, безусловно, должны совершаться большими силами. Однако в течение тех девяти месяцев, когда рождался новый мир, с февраля по ноябрь 1989-го, и Соединенные Штаты, и Советский Союз преимущественно выполняли роль повивальной бабки и вели себя достаточно пассивно. Они создавали историю именно тем, что ничего не предпринимали. К тому же оба гиганта отступили отчасти и потому, что недооценили значение того, что делали маленькие люди в маленьких странах.

Важную роль сыграл также и Китай. Бойня на площади Тяньаньмэнь случилась 4 июня 1989 года, в тот самый день, когда в Польше наконец-то были проведены полусвободные выборы. Никогда не забуду, как на экране телевизора в импровизированном офисе польской оппозиционной ежедневной газеты *Gazeta Wyborcza*, посреди радостного возбуждения в связи с днем выборов в Польше, появились первые кадры убитых и раненых китайских демонстрантов на площади Тяньаньмэнь. «Тяньаньмэнь» незримо присутствовал и в Европе в том смысле, что и оппозиция, и лидеры коммунистов-реформаторов увидели, что может произойти, если дело дойдет до силовой конфронтации.

ции, и приложили максимум усилий, чтобы не допустить этого.

Иначе говоря, тот факт, что события на площади Тяньаньмэнь имели место в Китае, — одна из причин того, почему подобное не случилось в Европе¹⁵. Однако «поток влияния» тогда распространялся в другом направлении: из Советского Союза и Восточной Европы в Китай. Дэвид Шамбо и другие исследователи документально подтверждают, что Коммунистическая партия Китая систематически изучала уроки краха коммунизма в Европе, чтобы исключить возможность такого развития событий в своей стране¹⁶. Сегодняшний Китай являет собой результат усвоения этих уроков.

1989 год стал одним из лучших в европейской истории. Действительно, как ни стараюсь, не могу придумать год лучше. Это был год, когда весь мир смотрел на Европу, точнее — на Центральную Европу, а в переломный момент внимание было приковано к Берлину. Всемирная история — если употреблять этот термин в квазигегельянском смысле — творилась в самом сердце старого континента, неподалеку от бывшего гегелевского университета, ныне Университета Гумбольдта. Теперь, двадцать лет спустя, я склонен допускать (хотя продолжаю работать с другими европейцами в надежде доказать, что это предположение ошибочно), что, возможно, это был и последний случай (по крайней мере, в очень длительной перспективе), когда всемирная история создавалась в Европе. Сегодня всемирная история творится в других местах. И хотя в Университете Гумбольдта есть кафе *Weltgeist* («Мировой дух»), сам Мировой дух двинулся куда-то дальше. О главной роли, которую Европа долгое время исполняла на мировой сцене, будущие поколения когда-нибудь, быть может, скажут: ее звездной ролью стал уход со сцены.

Как бы то ни было, долгосрочные последствия событий 1989-го сейчас только начи-

нают проявляться. Они также представляют собой часть обобщенной глобальной истории 1989 года, которая, в том числе и по данной причине, не могла быть написана раньше. Тем не менее сегодня, спустя два десятилетия, пришло время какому-нибудь блестящему молодому историку — свободно владеющему многими языками; способному понимать и власть имущих, и так называемых «простых» людей; к тому же талантливому писателю; преподающему в университете, но не слишком обремененному преподавательскими обязанностями; располагающему достаточными средствами для проведения обширных исследований на нескольких континентах; привыкшему работать по-стахановски; ведущему монашеский образ жизни — взяться за создание этого необходимого, хотя и почти неосуществимого шедевра: своего рода вагнеровского *Gesamtkunstwerk* современной истории. Если ему или ей будет сопутствовать удача, подобный труд может появиться к тридцатой годовщине этих событий — в 2019 году.

***

«Бархатная революция» как мирный способ смены режима

Термин «бархатная революция» был введен в оборот осенью 1989 года, для того чтобы подчеркнуть особый характер смены режима, достигнутой путем договоренностей и представлявшей собой настоящее действие с участием мирных масс, которая произошла в маленьком центральноевропейском государстве, ныне уже не существующем. Насколько мне удалось выяснить, первоначально это выражение стали использовать западные журналисты, а потом его взяли на вооружение Вацлав Гавел и другие лидеры чешской и словацкой оппозиции¹⁷. Затем это весьма привлекательное словосочетание употребляли многие авторы, в том числе и я, применительно ко всей совокупности эпохальных перемен, произошедших в Польше, Венгрии

и Восточной Германии, именуя их «бархатными революциями 1989-го».

Двадцать лет спустя, летом 2009 года, в Исламской Республике Иран был организован показательный процесс над политическими лидерами и мыслителями, которых обвинили в попытке организации *enghelab-e makhmali*, что в точности и означает «бархатная революция». За прошедшие годы важные события, имевшие место во многих странах, включая Эстонию, Латвию, Литву, Южную Африку, Чили, Словакию, Хорватию, Сербию, Грузию, Украину, Белоруссию, Кыргызстан, Ливан и Бирму, получили свое название путем прибавления к слову «революция» того или иного определения. Мы читали о «поющей революции» в прибалтийских государствах, о «мирной», «совершенной путем переговоров» революции в Южной Африке и Чили, о «революции роз» в Грузии, об «оранжевой революции» на Украине (теперь, после оранжевой революции, цвет вообще широко используется), о «кедровой революции» в Ливане, о «революции тюльпанов» в Кыргызстане, электоральной революции (общее название для подобного рода явлений), «шафранной революции» в Бирме и, наконец, — совсем недавно — о «зеленой революции» в Иране. Часто, как и в самом первом случае, в Чехословакии, эти броские определения становились популярными в ходе взаимодействия иностранных журналистов и политических активистов в странах, где происходили эти события.

События, о которых идет речь, с очень разной степенью достоверности можно было бы описать как попытки (и отнюдь не всегда удачные) осуществить мирную, путем договоренностей смену режима (подобно тому, как это происходило в 1989-м), которая включала бы в себя элементы массового протеста, социальной мобилизации и ненасильственных дей-

ствий. Создается впечатление, что «бархатная революция» — это не только прошлое, но и настоящее, а также, возможно, и будущее. Возникнув первоначально как название уникального исторического события — «Бархатной революции» 1989 года в Чехословакии, это выражение стало нарицательным, просто «бархатной революцией», и теперь обозначает определенную категорию событий.

Ненасильственная революция

Если воспользоваться намеренно широким обобщением, идеальный тип «бархатной революции» 1989 года контрастирует с идеальным типом революции 1789-го, который затем получил свое развитие в российской революции 1917 года и китайской революции под руководством Мао. Идеальный тип революции 1789-го — это революция насильственная, утопическая, с явно выраженным классовым характером, для которой характерна нарастающая радикализация, достигающая наивысшей точки в терроре. Как известно, Мао Цзэдун однажды заметил, что революция — не званый обед, и продолжил: «Революция — это восстание, акт насилия, в ходе которого один класс свержает другой... Чтобы устранить несправедливость, необходимо выйти за установленные пределы, и нельзя устранить несправедливость, не выходя за эти пределы»¹⁸.

Идеальный тип революции 1989 года — это, напротив, революция ненасильственная, антиутопическая, реализующая интересы не какого-то одного класса, а широких социальных коалиций, в ходе которой используется социальное давление масс, «власть народа», с тем чтобы заставить действующее руководство пойти на переговоры. Наивысшая точка здесь — не террор, а компромисс. Если символ революции образца 1789-го — это гильотина¹⁹, то революции 1989 года — это круглый стол.

Термин «ненасильственная революция», по мнению многих, содержит внутреннее противоречие. На протяжении двухсот лет революция ассоциировалась с насилием. В этом кроется одна из причин того, что, классифицируя революции нового типа, люди стараются использовать смягчающие прилагательные. В процессе споров, которые осенью 1989-го вели между собой лидеры первой «бархатной революции» в Праге, один чешский диссидент поставил вопрос о том, применимо ли вообще в данном случае слово «революция», поскольку оно подраз-

собственными судьбами»²³. В «бархатных революциях» есть элемент принуждения, но нет насилия. В разговорной речи мы употребляем выражение «сила численного превосходства», и именно этот вид силы мы здесь имеем в виду. «Если я увижу двести тысяч человек, я уйду в отставку», — опрометчиво заявил украинский президент Леонид Кучма в связи со сравнительно небольшой демонстрацией оппозиции за несколько лет до «оранжевой революции». В 2004 году на улицах Киева собралось примерно 500 000 «оранжевых» протестующих — и ставленник

“Один из главных девизов центральноевропейских стран в 1989 году — «Возвращение в Европу» — это вариация на тему революции как реставрации”.

умеает насилие²⁰. «Давайте откажемся от любых форм террора и насилия, — призывал информационный бюллетень Гражданского форума от 2 декабря 1989 года. — Наше оружие — любовь и ненасилие»²¹.

В случае папы римского Иоанна Павла II и Аун Сан Су Чжи, а также других бирманских буддистов можно сказать, что для них выбор мирных средств определялся моральными и религиозными соображениями. «Побеждать зло добром!» — часто повторял польский Папа. Но в большинстве случаев это не моральный, а стратегический выбор (и в этом нет ничего плохого). Определяющая особенность революции, подобной 1989 году, состоит в том, что те, кто желает изменений, делают стратегический выбор в пользу ненасильственных действий. Таким образом, понятие «бархатная революция» можно также рассматривать как и другую категорию или частично совмещать с другой категорией — гражданским неповиновением²².

В свое время Лев Троцкий охарактеризовал революцию как «насильственное вторжение масс в область управления их

Кучмы был вынужден уйти в отставку вскоре после своей, полученной обманном путем, победы на выборах²⁴. Подобные события характеризуются массовостью, так что, оценивая численность протестующих, журналисты прямо-таки складывают поэмы. Сколько демонстрантов с зеленой символикой заполнили улицы Тегерана от площади Революции (*Enqelab*) до площади Свободы (*Azadi*) в незабываемый день 15 июня 2009-го?²⁵ Два миллиона? Три миллиона? Никто точно не знает и никогда не узнает.

Революции 1789 года во Франции, 1917-го в России, 1949 года в Китае носили очевидно утопический характер: все они обещали рай на земле. В противоположность этому «бархатная революция» типично антиутопическая или, по крайней мере, не утопическая. В какой-то конкретной стране такая революция стремится создать политические и юридические институты и социально-экономические структуры, уже существующие в других местах (например, в уже сложившихся либеральных демократических государствах) и/или, как утверждается

(зачастую неверно или с большой долей ретроспективной идеализации), существовали в этой стране прежде. Историограф Французской революции Франсуа Фюре высказывал сомнение, можно ли вообще называть «бархатные революции» 1989 года революциями, поскольку они не породили «ни одной новой идеи»²⁶. В этом смысле они ближе к более ранним революциям, имевшим место до 1789-го, которые и дали этому явлению такое название, означавшее «виток», «вращение», поворот колеса назад к реальному или воображаемому лучшему прошлому.

В качестве замечательного примера понимания революции как реставрации, восстановления утраченного Ханна Арентд приводит надпись на большой печати кромвелевского Содружества 1651 года (на пике Английской революции): «свобода, Божиим благословением восстановленная»²⁷. В 1989-м Польша могла бы написать на своей печати (если бы она была) те же самые слова. «Возвращение в Европу» — один из главных девизов Центральной Европы в 1989 году — еще одна вариация на тему революции как реставрации. Большинство последующих событий, претендующих называться «бархатной революцией», представляют собой примерно такое же сочетание идеализируемого национального прошлого и лучшего настоящего, которое существует где-то в другом месте. И хотя этим движениям свойственны некоторые нереалистичные, идеалистические ожидания, безусловно, ни одно из них не основано на утопической идеологии и не обещает нового рая на земле. «Новая идея» здесь кроется не в сути идеологических устремлений, а в самой форме революционных изменений.

Сказать, что революции 1789—1917—1949 годов имели классовую основу, было бы, конечно, грубым историческим упрощением и, пожалуй, даже искажением. Как известно,

большевистская революция на самом деле не была героической массовой акцией рабочего класса. Тем не менее будет справедливо сказать, что революционные лидеры, такие как Ленин и Мао, нередко утверждали, что они действуют от имени класса или классов — «рабочих и крестьян» и т. п. В «бархатных революциях» призыв, как правило, обращен ко всему обществу, нации, народу. Движущей силой здесь часто выступает национализм (или патриотизм, смотря по обстоятельствам и в зависимости от интерпретации); он же может породить и более насильственные движения. На практике стратегический ключ к мобилизации масс, когда мирные толпы, численность которых не поддается точной оценке, выходят на улицы и появляется та самая «власть народа», часто заключается именно в создании самых широких коалиций между классами, между сегментами общества, между различными группами интересов, которые в обычных условиях не сотрудничают друг с другом и в отношении которых недемократические лидеры могли применять принцип «разделяй и властвуй».

В революциях старого типа экстремистски настроенные революционные лидеры — якобинцы, большевики, маоисты — подстрекали разъяренные толпы на улицах к радикальным действиям, в том числе к насилию и террору, во имя утопии. Вспомните хунвейбинов! В революциях нового типа народ выходит на улицы, чтобы заставить власти сесть за стол переговоров. Момент максимальной мобилизации масс — это и есть момент поворота к переговорам, то есть к компромиссу. В некоторых случаях к жестким репрессиям, по крайней мере на какое-то время. Еще одна особенность «бархатной революции» состоит в том, что для достижения успеха зачастую требуется довольно много времени и приходится переживать немало неудачных попыток, в процессе которых лидеры оппозиции, а также кое-кто из находящихся

у власти, извлекают уроки из собственных ошибок и провалов, как это было, например, в Польше, Сербии и на Украине. Говоря словами Сэмюэля Беккета, «*fail again, fail better*» («еще неудача, еще провал — тем лучше»). В следующий раз обе стороны поступят иначе. В конечном счете наступает момент, когда обе стороны готовы к согласованным действиям.

Итак, данное явление имеет и другое название: «революция через договоренности» (*negotiated revolution*). Исключительно важный вопрос — что будет с правящей эли-

Подобного рода непростые и с моральной точки зрения даже неприятные компромиссы с деятелями прежнего режима присущи «бархатным революциям» и являются их неотъемлемой частью. Это, по точному выражению Эрнеста Геллнера, — цена бархата. Однако такие компромиссы порождают свои собственные формы постреволюционной патологии. Проходят годы, и возникает ощущение отсутствия революционного катарсиса; какие-то подозрительные разговоры о подозрительных сделках между старыми и новыми элитами за закрытыми дверями;

“В последнее десятилетие появилось немало примеров «бархатных революций», когда именно выборы становились катализатором революции нового типа”.

той? При новом руководстве представителей прежнего режима, готовых к переменам, — от президентов, таких как Фредерик Виллем де Клерк, до местных аппаратчиков и агентов тайной полиции — вместо гильотин и фонарных столбов ожидает вполне сносное, а то и прямо-таки радужное будущее. Они не только останутся в живых и не просто останутся на свободе; они смогут частично сохранить свое социальное положение и материальное состояние или превратить свою прежнюю политическую власть в экономическую («номенклатурная приватизация»), что иногда удивительным образом помогает им вернуться к власти политической, но уже в соответствии с более демократическими процедурами (как, например, это произошло с бывшими коммунистами по всей посткоммунистической Европе). В «бархатных революциях» выживают не только такие, как аббат Сийес. Людовику XVI удастся сохранить приятный небольшой дворец в Версале, а Мария-Антуанетта создает новую, пользующуюся успехом, линию высококачественного дамского белья.

и среди всего прочего — чувство глубокой исторической несправедливости. Вот он я, средних лет рабочий судовой верфи в Гданьске, оставшийся без работы в результате болезненного неолиберального перехода к капитализму, в то время как там, за высокими оградками новых вилл с бассейнами, полными полуголых девочек, которые бокалами глушат шампанское, бывшие коммунистические руководители и бывшие агенты тайной полиции наслаждаются жизнью, что твои миллионеры-капиталисты. И свой первый миллион каждый из них украл у государства именно во время «бархатной революции».

Никакого идеального решения этой проблемы не существует, но я могу предложить два частичных. Во-первых, в отсутствие революционного катарсиса (того момента дикой оргии, когда палач поднимает отрубленную голову короля) и уголовного правосудия в отношении совершенных ранее преступлений, тем более важно публично и честно рассказать о непростом прошлом своей страны, что стало бы символическим шагом. Только это позволит провести четкую черту между

тяжелым прошлым и лучшим будущим. Вот почему я утверждаю, что важнейшим дополнением к «бархатной революции» должна быть так называемая комиссия правды. Во-вторых, для достижения длительного успеха жизненно важно как можно скорее установить верховенство закона, коррупция же оказывает глубоко разрушительное действие. «Скорость важнее точности» — известный девиз по-своему беспощадного чешского приватизатора и приверженца свободной торговли Вацлава Клауса, который означает, что долгосрочные перспективы приносятся в жертву краткосрочным.

Следует отметить и еще одну особенность некоторых «бархатных революций». Мы привыкли думать о революции как о чем-то диаметрально противоположном выборам: здесь — насильственное свержение диктатуры, там — мирная передача власти в условиях демократии. Тем не менее в последнее десятилетие появилось немало примеров «бархатных революций» (от Сербии до Украины и Ирана), когда именно выборы становились катализатором революции нового типа.

В гибридных, полуавторитарных режимах проведение выборов (хотя и не полностью свободных, с серьезным искажением в виде контроля властей над телевидением) дает толчок к мобилизации сторонников оппозиционного кандидата, будь то Воислав Коштуница в Сербии, Виктор Ющенко на Украине или Мир-Хосейн Мусави в Иране. В этом случае реальная или предполагаемая подтасовка результатов выборов действующими властями приводит к еще более широкой социальной мобилизации, когда уже выдвигаются требования не просто изменить что-то в системе, а изменить *саму систему*. Цветная символика оппозиционного кандидата — оранжевая на Украине, зеленая в Иране — становится или, по крайней мере так утверждается сегодня, должна стать цветом всей обманутой нации, цветом «цветной

революции». Таким образом, можно предложить еще одно название для рассматриваемого явления, или большого подмножества подобных явлений, — «электоральная революция».

Глядя на недавнюю историю электоральных революций, благоразумный авторитарный правитель мог бы прийти к следующему умозаключению: не надо рисковать и проводить вообще какие-либо выборы! Но поразительно, сколь немногие из них действительно делают такой вывод. Формальная демократия, понимаемая как периодическое проведение публичных церемоний под названием «выборы», была установлена как одна из наиболее широко распространенных международных норм. Выборы представляют собой не только (если можно так выразиться) дань, которую порок платит добродетели; сегодня это, вероятно, еще и часть общепринятых способов легитимизации, к которым прибегает любой уважающий себя диктатор. В девяти случаях из десяти авторитарные правители могут стать победителями на этих выборах (или «выборах») в результате некоторой комбинации подлинной общественной поддержки, клановых предпочтений, контроля над СМИ, пропаганды, коррупции, запугивания и прямой подтасовки бюллетеней. Например, в Сербии Слободан Милошевич действительно выиграл ряд по меньшей мере полусвободных (даже на три четверти свободных) выборов, прибегая лишь к незначительной подтасовке бюллетеней, прежде чем утратить власть в ходе электоральной революции 2000 года. Высокомерие, основанное на прежних успехах, услужливо подталкивает таких правителей в объятия Немезиды.

Революция нового типа: попытка научной гипотезы

Моя задача здесь сводилась к тому, чтобы представить, схематично и в самых общих чертах, свою гипотезу, с тем чтобы впоследствии

ствии уточнить и проверить ее, в том числе указав условия, при которых — со временем — ее можно было бы признать более или менее убедительной. («Большая или меньшая убедительность» означает качественное, вероятностное дополнение историка к строгому, количественному научному подтверждению или опровержению.) Гипотеза моя состоит в том, что 1989-й утвердил новую модель ненасильственной революции, которая сейчас все чаще вытесняет прежнюю модель насильственной революции, ассоциирующейся у нас с 1789 годом (или как минимум конкурирует с ней).

Во-первых, очень важно обратить внимание на особо подчеркнутое слово «утвердил» (*established*) (в противоположность слову «создал заново» — *invented*). Чехословацкая революция, возможно, была первой, получившей название «бархатной», но в 1989-м Центральная Европа не взяла такую модель развития событий из воздуха. Подобные процессы возникали и раньше, и не только в Центральной Европе: неудавшиеся попытки освобождения в 1953 году (Восточная Германия), в 1956-м (Венгрия), в 1968-м (Чехословакия), в 1970—1971 годах и 1980—1981-м (Польша), — но и в Чили: мобилизация масс с целью свержения генерала Пиночета, где плебисцит 1988 года предшествовал событиям 1989-го в Центральной Европе, и на Филиппинах: отстранение от власти Маркоса в 1983—1986 годах (в результате этих событий в обиход вошел замечательный филиппинско-английский термин «*people power*» — «власть народа»), и в Португалии: «революция гвоздик» в 1974—1975-м (вероятно, это и была первая «бархатная революция» в послевоенной Европе); и так далее, в глубь истории, вплоть до знаковой фигуры Ганди в Индии.

Итак, мое предположение состоит только в том, что в 1989 году эта модель *утвердилась*, в том смысле, что, будучи событием гигант-

ского масштаба, изменившим мир (или цепочкой таких событий), произошедшее в 1989-м стало главной исторической точкой отсчета для преобразований подобного рода, а также в том смысле, что начиная с 1989 года в истории, похоже, было уже намного больше революций нового, нежели старого, типа. По крайней мере, так нам говорят те, кто называет эти события бархатными, цветными, мирными, электоральными, совершенными путем переговоров, оранжевыми, шафрановыми, кедровыми, зелеными и прочими революциями, а также революциями роз, тюльпанов и т. д.

Во-вторых, здесь содержится преувеличение. Не все, что называют революцией, является таковой на самом деле. Наши глянцевого журналы полны всякой ерунды о «революции» в обувном дизайне, в английской кулинарии, в банковских услугах для физических лиц и в конструкциях пылесосов; но все мы знаем, что это всего лишь гипербола. В последние двадцать лет иностранные журналисты поспешно прилепляли штамп «революция» (плюс броский эпитет) к любым событиям, связанным с массовыми уличными протестами, которые внешне, быть может, и напоминали Прагу 1989-го, но по сути могли быть совершенно иными. Иногда оказывается, что сами эти журналисты — ветераны прежних революций, в том числе и 1989 года; а другие, возможно, просто хотели бы быть таковыми. И для того чтобы ваш репортаж попал на первую полосу, лучший способ — употребить слово «революция», которое по силе почти не уступает сообщению о реальном кровопролитии. Это, в свою очередь, отчасти объясняется тем, что и читатели, и редакторы осознанно или не совсем соотносят слово «революция» с кровопролитием. Прежние стереотипы живучи²⁸.

Однако с прозвучавшим предостережением не все так просто. Дело осложняется тем,

что этот, казалось бы, поверхностный журналистский штамп иногда помогает самим участникам событий по-другому охарактеризовать или даже иначе осознать то, что они делают. Рассказ, изложенный иностранным журналистом, становится частью их собственной истории. Осмысление событий как революции помогает их таковой и сделать. Образуется замкнутый круг «наблюдатель — действующее лицо — наблюдатель».

И все же нам необходимы более серьезные критерии, нежели просто наименование, чтобы должным образом определить,

шие там преобразования имели системный характер. Что касается Грузии и Украины, здесь уместно поставить очень большие знаки вопроса. Кыргызстан, безусловно, не пройдет тест Лоусона. Что можно сказать относительно Ливана? В некоторых странах (по крайней мере, на данный момент) движение, ставившее своей целью быстрые, массовые, решительные системные преобразования, было просто подавлено. Один из самых ярких примеров — Бирма, но нам не следует забывать, что подобные случаи встречались и в Европе: в 2006 году попытки

“1989-й утвердил новую модель ненасильственной революции, которая все чаще вытесняет старую насильственную модель, ассоциирующуюся у нас с 1789 годом”.

что именно следует считать революцией нового типа. В литературе, посвященной революциям, обычно различают революционную ситуацию, революционные события и последствия революции. С последним труднее всего. Мне нравится новое определение революции — или определение революции нового типа, — предложенное Джорджем Лоусоном в его важном труде «Революции через договоренности». Революция, пишет он, — это «быстрая, массовая, решительная системная трансформация основных институтов и организаций общества». (Такое определение справедливо подразумевает, что массовые ненасильственные акции могут быть «решительными», но без кровопролития.)

Применить тест Лоусона к каждой отдельной стране и региону — дело специалистов. Полагаю, что большинство стран Восточной и Центральной Европы, включая страны Балтии, этот тест очевидным образом пройдет, равно как и Южная Африка. Для Юго-Восточной Европы определение «быстрая» в ряде случаев может оказаться не вполне подходящим, но по большей части происшед-

«бархатной революции» были успешно пресечены в Белоруссии. Многие считают, что наиболее значимым из всех поражений было подавление движения китайских студентов и рабочих, начавшееся с кровопролития на площади Тяньаньмэнь 4 июня 1989-го (напомню, в тот самый день, когда в Польше состоялись первые полусвободные выборы).

Список несомненно успешных случаев не так уж велик. По большей части они сосредоточены только в одном регионе — в посткоммунистической Европе, и опять же в большинстве своем в пределах культурно-исторического Запада, если (с позволения Сэмюэля Хантингтона) включить в него Латинскую Америку и мир православного христианства. Возможным исключением могли бы стать Филиппины, но Филиппины — в значительной степени христианское общество. Независимо от того, пройдет ли тест Лоусона «кедровая революция» в Ливане или не пройдет, она имела место в стране, которая также почти на 40 проц. христианская. Большое значение «зеленой революции» в Иране состоит в том,

что она происходила в сугубо мусульманском обществе, в своеобразной Исламской республике, и даже избрала своим цветом зеленый цвет Ислама. Но может ли кто-нибудь назвать хотя бы одну очевидно *успешную* «бархатную революцию» в преимущественно мусульманской стране? (Мали? Мальдивы?) Либо в стране, где преобладает буддизм или конфуцианство?

Похоже, существует статистическая корреляция между выбором в пользу ненасильственных действий и в целом либерально-демократическими последствиями²⁹. Однако не следует совершать ошибку и принимать формальную корреляцию за причинно-следственную связь. Не исключено, что общества, которые делают выбор в пользу ненасильственных методов, также более восприимчивы (и лучше приспособлены) к становлению и укреплению либеральной демократии. Кажущаяся причина, равно как и кажущееся следствие могут говорить об иной, более глубинной причине.

Следующий вопрос: можно ли считать стремление к большей демократизации неотъемлемой особенностью «бархатной революции»? (В таком случае, правда, связь между отказом от насилия и либеральной демократией рискует превратиться в замкнутый круг.) Может ли «бархатная революция» привести к установлению диктатуры другого типа? Вряд ли можно рассматривать движения ХАМАС и «Хезболла» как ненасильственные, хотя они удачно выступают на выборах; но каковы были бы последствия, скажем, «революции скарабеев» в Египте под предводительством «Братьев-мусульман»?

Перспективы «бархатных революций»

Какой вывод напрашивается из всего вышесказанного? Что «бархатная революция» — это лишь избитая фраза, вошедшая в обиход политиков и журналистов? Что «бархатные революции» существуют, но в действитель-

ности это лишь одна из особенностей переходного процесса, который можно назвать демократизацией Запада (в широком понимании), идущего на протяжении тридцати пяти лет, начиная с «революции гвоздик» в Португалии в 1974 году? В этом случае, поскольку большая часть Запада (в широком понимании) уже демократизирована, получается, что мы достигли конца пути. Или нам следует вспомнить хорошо известный ответ Чжоу Эньлая на вопрос о том, что он думает о влиянии Французской революции: «Пока еще слишком рано судить»? Двадцать лет и даже тридцать пять — совсем небольшой срок, чтобы правильно оценить крупномасштабные исторические явления. Если в ближайшие два десятилетия произойдет много насильственных революций старого образца и мало революций нового стиля, без насилия, мою гипотезу в отношении «бархатных революций» следует признать негодной. Однако если мы станем свидетелями более успешных «бархатных революций» в незападных обществах, в том числе мусульманских, конфуцианских, буддистских, то гипотезу можно будет признать убедительной.

И все же если просто сказать «давайте подождем и посмотрим», то можно упустить из виду очень важную вещь. Мы — если под этим «мы» иметь в виду либеральные демократии и демократов — не только сторонние наблюдатели во всей этой истории. Мы, как и иностранные журналисты, сообщающие об этих событиях, до некоторой степени их участники.

Представляется оправданным мнение, что подобные движения рождаются в тех условиях, которые существуют в определенных странах, и вызваны действиями людей, в этих странах живущих. Это не тайный сговор западных держав, как утверждают авторитарные правители от России до Китая, а теперь и в Иране (а им порой вторят сторонники теории заговора среди западных наблюдате-

лей). Безусловно, Запад во многих случаях причастен к этим событиям, иногда открыто, иногда завуалированно, но ни в одном случае нельзя с уверенностью сказать, что его роль была решающей. Более того, утверждения о западном тайном сговоре — это часть местной политической игры, смысл которой заключается в том, чтобы очернить лидеров оппозиции в глазах антизападно настроенного общественного мнения и оправдать их аресты по обвинению в государственной измене. Классический пример тому — обвинительный акт на показательном процессе

она происходит, но также и от того, какое место данное государство и данное общество занимает в более широком международном контексте³¹. Вновь прибегая к очень широкому обобщению, можно предположить, что наилучшие шансы на успех должны иметь «бархатные революции» в полуавторитарных государствах, которые политически, экономически и, если можно так выразиться, психологически в значительной мере зависят от более демократических стран, и особенно — если в роли иностранных держав, оказывающих пассивное влияние или, наобо-

“Незападные демократические государства, например Индия, менее склонны оказывать поддержку «бархатным революциям», нежели западные демократии”.

над иранскими реформаторами. Один из его отрывков звучит следующим образом: «У “бархатной революции” три ветви: интеллектуальная, массмедийная и административная. Каждая из них имеет связи со многими американскими фондами, и между ними существует своеобразное разделение труда... В рамках этого “подрывного” треугольника каждая из американских организаций выполняет определенную функцию, и ряд людей сотрудничают с ними. Среди подобных организаций самая важная — институт под названием *Hooffer* [то есть Институт Гувера] в Стэнфорде, созданный во времена холодной войны»³⁰. И так далее.

Однако из материалов международного сравнительного исследования совершенно явно следует, что, хотя шансы на успех или неудачу в значительной степени зависят от внешних факторов, сами эти факторы следует толковать намного шире, нежели только предполагаемая подрывная деятельность американцев. Перспективы начинающейся «бархатной революции» зависят не только от природы государства и общества, в котором

рот, обладающих активными рычагами воздействия, выступают западные демократии. Соответственно, «бархатные революции» потерпели неудачу в больших, независимых, самодостаточных государствах, таких как Китай, а также в маленьких, изолированных, занимающих периферийное положение, таких как Бирма, зажатая между Китаем и Индией.

Как в 2007 году на своем горьком опыте убедилась Бирма, незападные демократические государства, например Индия, в целом менее склонны оказывать активную поддержку «бархатным революциям», нежели западные демократии. Дело в том, что зачастую это бывшие колонии, которые очень высоко ценят суверенитет и усматривают неокOLONIALИЗМ даже в формах несилового внешнего вмешательства, исполненного самых благих намерений. И конечно же они преследуют собственные национальные интересы. Индия, в частности, несомненно отдает себе отчет в том, что с экономической, военной и геополитической точек зрения она заинтересована в поддержании хороших отношений

с бирманским военным режимом. Будет ли так продолжаться и впредь? Или незападные демократические государства когда-нибудь все же станут более сочувственно относиться к подобным (глубоко антиколониальным!) смелым инициативам, цель которых — оказать содействие гражданам менее свободных стран, с тем чтобы они могли помочь самим себе? Ответ на этот вопрос может иметь решающее значение для будущего «бархатных революций».

Каким образом демократы и демократические государства способны улучшить перспективы «бархатных революций» в других странах (при условии, если они захотят это сделать) — вопрос, который можно было бы рассмотреть в другом эссе. Проблема в другом: станут ли они это делать, если им представится такая возможность; ведь некоторые усомнятся в желательности или законности подобных действий. В любом случае за последнее десятилетие что-либо делать в этом направлении стало заметно труднее, поскольку авторитарные правители в России, Китае, Иране и в других странах стали рассматривать «бархатную революцию» как враждебную стратегию Запада и тщательно изучили ее историю, с тем чтобы в корне пресекать такого рода действия.

В своих попытках противостоять «бархатной революции» они заимствуют некоторые из ее методов: например, создают собственные неправительственные организации (которые на самом деле, если использовать британский термин, представляют собой так называемые *quango*, то есть *квазинеправительственные* организации) и направляют в соответствующие страны своих наблюдателей за выборами. Сейчас, более чем когда-либо, я склонен думать, что долгосрочные, косвенные меры, которые могут использовать свободные общества, становятся более важными и эффективными по сравнению с мерами краткосрочными и прямыми. Это еще один урок, который следует извлечь из истории холодной войны и ее окончания.

Чего мы точно не можем себе позволить, так это отойти в сторону и сделать вид, будто история, разворачивающаяся на наших глазах, нас не касается и мы лишь сторонние наблюдатели. Такая позиция сама по себе оказывает влияние, вступая в противоречие с нашими претензиями на безучастность. Есть ли у «бархатной революции» будущее (равно как и прошлое), зависит в первую очередь от желания и умения людей в соответствующих странах; но также это зависит (хотя и в меньшей степени) и от нас. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Sebestyen V.* Revolution 1989: The Fall of the Soviet Empire. Pantheon, 2009; *Dalos G.* Der Vorhang Geht Auf: Das Ende der Diktaturen in Osteuropa. Munich: C.H. Beck, 2009; *Meyer M.* The Year That Changed the World: The Untold Story Behind the Fall of the Berlin Wall. N. Y.: Scribner, 2009; *Meyer M.* Histoire secrète de la chute du mur de Berlin. P.: Odile Jacob, 2009.

² *Kotkin S.* (with a contribution by *Jan T. Gross*). Uncivil Society: 1989 and the Implosion of the Communist Establishment. Modern Library, 2009; *Pleshakov C.* There Is No Freedom Without

Bread!: 1989 and the Civil War That Brought Down Communism. Farrar, Straus and Giroux, 2009.

³ *Sanotte M. E.* 1989: The Struggle to Create Post-Cold War Europe. Princeton Univ. Press, 2009; *The Fall of the Berlin Wall: The Revolutionary Legacy of 1989* / J. A. Engel (ed.). Oxford Univ. Press, 2009.

⁴ См. очень интересную статью Баруха Фишхоффа: *Fischhoff B.* Hindsight≠Foresight: The Effect of Outcome Knowledge on Judgement under Uncertainty // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. 1975. Vol. 1. No. 3.

⁵ *Ratnesar R. Tear Down This Wall: A City, a President, and the Speech That Ended the Cold War.* Simon and Schuster, 2009.

⁶ На титульном листе значится, что авторство книги принадлежит «Стивену Коткину, при участии Яна Т. Гросса». В предисловии также говорится, что книга написана на основе материалов семинара в Принстоне, который авторы вели совместно, но при этом нигде точно не указано, в чем именно состоит вклад Гросса. Поскольку Гросс — выдающийся историограф современной Польши, я предполагаю, что он участвовал прежде всего в написании главы о Польше, и эта глава менее других страдает недостатками, о которых пойдет речь далее в статье.

⁷ Безусловно, это существование было бы крайне непростым, если бы большая часть восточных немцев бежала на Запад через Венгрию; но такой сценарий развития событий очевидным образом подразумевает, что Москва должна была бы отдать распоряжение, чтобы государства-сателлиты, в том числе и Венгрия, держали «железный занавес» под замком для граждан ГДР, как это было раньше на протяжении многих десятилетий.

⁸ В сноске Коткин замечает, что «бесценную метафору “набег на банк” предложил — для СССР — Стивен Солник» в работе: *Solnick S. Stealing the State: Control and Collapse in Communist Institutions.* Cambridge: Harvard Univ. Press, 1999. Но Солник использует ее для описания поведения чиновников, ворующих у государства. «В отличие от набега на банк, — пишет Солник, — вороватые чиновники не были вкладчиками, требовавшими вернуть им их законные сбережения: это были государственные служащие, присваивавшие государственные активы». И хотя элементы такой «номенклатурной приватизации» в переходный период наблюдались и в Центральной, и в Восточной Европе, это никоим образом не объясняет того, что случилось в Восточной Германии или в Чехословакии осенью 1989 года. Будучи полезной в рамках проведенного Солником анализа событий, происходивших в Советском Союзе, эта метафора просто некорректно используется применительно к Центральной и Восточной Европе.

⁹ *Hrad* (Замок) — официальная резиденция главы чешского государства. — **Прим. ред.**

¹⁰ Подробнее см.: *Hertle H. Der Fall der Mauer: die unbeabsichtigte Selbstauflösung des SED-Staates.*

Westdeutscher Verlag, 1999. Полезно также посмотреть запись документальной телевизионной программы того же автора: *When the Wall Came Tumbling Down: 50 Hours That Changed the World* (English edition: Icestorm International, 1999).

¹¹ Наиболее важная подборка его статей опубликована в трех частях в журнале *Journal of Cold War History: Kramer M. The Collapse of East European Communism and the Repercussions within the Soviet Union // Journal of Cold War History.* 2003. Vol. 5. No. 4 (Fall); 2004. Vol. 6. No. 4 (Fall); 2007. Vol. 7. No. 1 (Winter). См. также его научные доклады, опубликованные в рамках Международного проекта истории холодной войны, и написанную им главу в книге: *Civil Resistance and Power Politics: The Experience of Non-violent Action from Gandhi to the Present // A. Roberts, T. Garton Ash (eds). Oxford University Press, 2009.*

¹² Архивы Гуверовского института — Собрание Гуверовского института—Горбачёв-фонда, Адамишин, кор. 1, с. 26. Этой ссылкой я обязан все еще не опубликованной работе *The Superpowers and 1989 in Eastern Europe* моего коллеги из Стэнфорда Нормана Неймарка, а беседы с ним заметно обогатили мой анализ роли сверхдержав.

¹³ Дневник Раковского. Запись от 22 августа 1989 г. Архивы Гуверовского института. Консультация любезно предоставлена куратором восточноевропейских архивов Мачеем Секерским (Maciej Siekierski). Перевод мой. (Отметим, что документы Раковского еще не полностью каталогизированы и доступны для общего использования.)

¹⁴ Информация получена лично от Роберта Конквеста.

¹⁵ Серьезное кровопролитие имело место в Румынии, но, в отличие от «Тяньаньмэнь», оно не позволило коммунистической партии и тогдашним руководителям сохранить власть.

¹⁶ См.: *Shambaugh D. China's Communist Party: Atrophy and Adaptation.* Woodrow Wilson Center Press/Univ. of California Press. 2008.

¹⁷ Несмотря на многочисленные вопросы, которые я задавал ведущим чешским и западным историкам, занимающимся «бархатной революцией», я так и не смог (пока) выяснить, кто и когда впервые использовал это выражение.

¹⁸ *Mao Zedong. Report of an Investigation into the Peasant Movement in Hunan.* Цит. по: *Lawson G. Negotiated Revolutions: The Czech Republic, South Africa and Chile.* Ashgate, 2005. P. 51.

¹⁹ Мне хорошо известно, что на ранних этапах Французской революции гильотина не использовалась.

²⁰ Об этом см. в моей книге: *Garton Ash T. The Magic Lantern: The Revolution of '89 Witnessed in Warsaw, Budapest, Berlin, and Prague.* Random House, 1990. P. 113.

²¹ Цит. по замечательной статье Джона Гленна: *Glenn J. K. Competing Challengers and Contested Outcomes to State Breakdown: The Velvet Revolution in Czechoslovakia // Social Forces.* 1999. Vol. 78. No. 1 (Sept.). P. 187–211. Отметим также, что словацкий аналог Гражданского форума назывался «Общественность против насилия».

²² См.: *Civil Resistance and Power Politics: The Experience of Non-violent Action from Gandhi to the Present // A. Roberts, T. Garton Ash (eds).* Oxford Univ. Press, 2009. При написании этого эссе я использовал сведения, которые приводятся в работах указанного сборника, вышедшего в рамках исследовательского проекта Оксфордского университета (cis.politics.ox.ac.uk/research/Projects/civ_res.asp).

²³ Цит. по: *Lawson G. Negotiated Revolutions.* P. 72.

²⁴ См.: *Garton Ash T., Snyder T. The Orange Revolution // The New York Review of Books.* 2005. Apr. 28.. Сейчас эта работа переиздана в книге: *C Facts Are Subversive: Political Writing from a Decade Without a Name.* Atlantic Books, 2009.

²⁵ См.: *Cohen R. Iran: The Tragedy and the Future // The New York Review of Books.* 2009. Aug. 13.

²⁶ Цит. по: *Lawson G. Negotiated Revolutions.* P. 90. См. также мою книгу (*Garton Ash T. The Magic Lantern.* P. 154) и работу Кришана Кумара (*Kumar K. 1989: Revolutionary Ideas and Ideals.* Univ. of Minnesota Press, 2001).

²⁷ *Arendt H. On Revolution.* Viking, 1963. P. 36.

²⁸ Когда первая часть этой статьи, опубликованная в *New York Review of Books* (номер от 5 ноября 2009 г.) под названием «1989!», была напечатана в приложении к *Guardian* (24 октября 2009 г.), она сопровождалась эффектной фотографией молодого человека с автоматом, бегущего по улицам Бухареста, столицы Румынии, в декабре 1989 года. Конечно, читатель про себя воскликнет: *вот она* — революция! Однако то, что происходило в Румынии, было далеко не типично для 1989-го: это было исключение, а не правило.

²⁹ См.: *Karatmycky A., Ackerman P. How Freedom Is Won: From Civic Resistance to Durable Democracy.* Freedom House, 2005.

³⁰ Я чрезвычайно благодарен моему коллеге из Гуверовского института профессору Аббасу Милани за перевод этого интересного документа.

³¹ Это становится совершенно очевидным, если ознакомиться с работой: *Civil Resistance and Power Politics*, а также с книгой: *Democracy and Authoritarianism in the Postcommunist World / V. Bunce, M. McFaul, K. Stoner-Weiss (eds).* Cambridge Univ. Press, 2009.